

ДИСПОЗИЦИИ И САНКЦИИ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ

Ю.Н. Климова

*Юридический институт Владимирского государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

4 ноября 2014 г.

Дата принятия в печать

6 июля 2015 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2015 г.

Ключевые слова

Фальсификация результатов выборов; фальсификация итогов голосования; фальсификация избирательных документов; конкуренция уголовно-правовых норм о фальсификации избирательных документов и итогов голосования; избирательный документ; избирательный бюллетень; сведения об избирателях; списки избирателей; протокол об итогах голосования; различия между зарубежным и российским уголовными законами в вопросах привлечения к ответственности за фальсификацию результатов выборов

Аннотация. Статья посвящена исследованию опыта зарубежного уголовного законодательства в сфере фальсификации результатов выборов, итогов голосования и избирательных документов. Изучены уголовно-правовые нормы 35 стран, включая страны ближнего и дальнего зарубежья. Выявлены проблемы правового регулирования национального законодательства, устанавливающего ответственность за фальсификацию итогов голосования и избирательных документов, изучены и сопоставлены отечественные и иностранные статистические данные об осужденных за такие преступления. Раскрыты подходы зарубежных законодателей к регламентации уголовной ответственности за преступления, связанные с фальсификацией результатов выборов: использование емкой правовой конструкции «фальсификация результатов выборов», применение формулировки «фальсификация итогов голосования» и закрепление термина «фальсификация избирательных документов». Показаны различия уголовно-правовых систем в подходе к описанию способов фальсификации избирательных документов и итогов голосования. Проведены параллели с российским уголовным правом в контексте перспектив формулировки диспозиций и санкций составов преступлений, связанных с фальсификацией результатов выборов. Дано авторское определение фальсификации избирательных документов. Исследован вопрос о подходах к пониманию избирательного документа как предмета фальсификации. Предложено использовать оптимальный для российского уголовного права опыт германского законодателя. При исследовании проблемы оптимизации наказания, соответствия санкций ст. 141–142.1 УК РФ задачам охраны от преступных посягательств, предупреждения преступлений, влияния назначенного наказания на исправление предложено использовать положительный опыт формулировок французского, испанского и бельгийского законодателя о применении наказания в виде лишения избирательных прав. Отмечается, что в ряде стран (в частности, в Бельгии, Перу, Боливии) лишение прав как вид наказания может применяться за неучастие избирателя в обязательном голосовании.

Исследование позволило выявить наиболее актуальные проблемы правового регулирования национального уголовного законодательства и предложить положительный опыт зарубежного законодательства, который может быть учтен при корректировке диспозиций и санкций как отечественных, так и зарубежных уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за фальсификацию результатов выборов.

THE DISPOSITIONS AND SANCTIONS OF RUSSIAN AND FOREIGN CRIMINAL LAWS ON LIABILITY FOR FALSIFYING ELECTION RESULTS

Yulia N. Klimova

A. and N. Stoletov Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation

Article info

Received

2014 November 4

Accepted

2015 July 6

Abstract. The paper is devoted to researching the experience of other countries regarding criminal laws on falsifying election results, voting results and electoral documents. The author has analyzed criminal law norms of 35 countries, both near and far-abroad. The author identifies the problems of legal regulation in national legislation that determines liability for rigging voting results and electoral documents. She examines and compares Russian and foreign statistical data on persons

Available online
2015 September 30

Keywords

Falsifying election results; rigging voting results; falsifying electoral documentation; conflict of criminal law rules on the falsification of electoral documents and voting results; electoral document; voting ballot; information about voters; lists of voters; voting record; voting results; differences between Russian and foreign criminal laws regarding liability for election fraud

convicted by Art. 141–142.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author describes the approaches of foreign legislators to the regulation of criminal liability for election fraud: the use of a high-capacity legal construct «falsification of election results», the use of the phrase «falsification of voting results» and the establishment of the term «falsification of electoral documents». The author shows the differences between criminal law systems in their approaches to the description of methods used in the falsification of electoral documents and voting results. The author presents some comparisons to Russian criminal law regarding the prospect of formulating dispositions and sanctions of *corpus delicti* for the crimes connected with the falsification of election results. The author also presents her own definition of electoral results' falsification and suggests using German legislative experience as the most optimum one for Russian Criminal Law. The author suggests using the positive experience of French, Spanish and Belgium lawmakers' statutory wording on punishments in the form of suffrage deprivation when discussing the issues of punishment optimization and the correspondence of the sanctions stated in Art. 141–142.1 of the Criminal Code of the Russian Federation to the tasks of protection against criminal offence, crime prevention and the impact of punishment on correction. The paper states that in some countries (e.g. Belgium, Peru, Bolivia) suffrage deprivation as a form of punishment is also used for a voter's nonparticipation in obligatory voting.

The study allowed to single out most urgent issues in the legal regulation of national criminal legislation and to present positive foreign lawmaking experience that could be taken into account when amending the dispositions and sanctions of both Russian and foreign criminal law norms stipulating liability for falsifying election results.

Особую опасность в период формирования представительных органов власти представляет фальсификация результатов выборов, под которой в общем виде следует понимать активные действия участников избирательной кампании, направленные на подтасовку данных, свидетельствующих об истинном волеизъявлении избирателей.

Следует отметить, что в зарубежных странах термин «фальсификация результатов выборов»¹ юридически распространяется на те действия, которые являются незаконными, однако указанная дефиниция иногда используется для описания действий, которые законны, но, тем не менее, считаются аморальными, вне духа законов о выборах или нарушающими принципы демократии [1; 2]. Кроме того, к фальсификации относится не только непосредственное изменение результатов выборов, но и манипулятивные избирательные технологии, направленные на воспрепятствование свобод-

ному осуществлению права избирать. Сюда можно отнести технологии манипулирования составом электората на территории соответствующего избирательного округа [3]; ограничения в правах отдельных групп избирателей, в частности путем введения избирательных цензов [4; 5]; запугивания избирателей (в том числе угрозой насилия или насилием, нападением на избирательный участок², правовыми и экономическими угрозами) [6]; подкупа голосов [7; 8] и т.д. К собственно фальсификации результатов выборов относят, в частности, вброс бюллетеней, использование бюллетеней, вводящих в заблуждение, злоупотребления при голосовании по доверенности, уничтожение или порча бюллетеней с целью признания их недействительными, фальсификация итогов электронного голосования и др.³

Анализ работ отечественных и зарубежных авторов позволяет обозначить следующую тенденцию: несмотря на многочисленные факты фальсификации выборов в разных странах,

¹ См.: Banana Republic UK? Vote rigging, fraud and error in British elections since. Open Rights Group, 2001; Elections Manipulations Ten-Page Summary // WantToKnow: Major, Media, Report, Elections Problems. URL: <http://www.wanttoknow.info/electionsmanipulations>; Shaping democratic practice and the causes of electoral fraud: The case of nineteenth-century Germany // American Political Science Review. Vol. 103, № 1. P. 1–21.

² Voter terrorism // Salon. 2004. Sept. 22, Wednesday. URL: <http://www.salon.com/2004/09/21/intimidation>.

³ URL: <http://www.wanttoknow.info/electionsmanipulations>; Elections Fraud // WantToKnow: Article & Book Reveal Major Elections Fraud. URL: <http://www.wanttoknow.info/electionsfraud>.

количество осужденных за совершение данных преступлений несоизмеримо мало. Так, в 2002–2007 гг. департаментом юстиции США проведено крупное исследование, в результате которого установлено, что в этот период по обвинению в обмане избирателей осуждено только 86 чел.¹

В российской правоприменительной практике случаи привлечения к уголовной ответственности по ст. 141–142.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ² также относительно редки. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за период с 2009 по 2014 г. осуждено 116 чел. (рис.)³.

Указанные данные, а также контент-анализ решений судов и материалов прессы позволяют сделать вывод: общие тенденции и проблемы назначения и исполнения наказания в рассматриваемой сфере правоотношений сохраняются.

Как отмечает ученый В.В. Красинский, прошедшие выборы не только актуализировали проблему отчуждения народа и власти, проблему подлинной демократизации российской политической системы, но и акцентировали внимание на совершенствовании правовых механизмов ответственности за нарушение законодательства о выборах [9].

¹ The GOP War on Voting. Rolling Stone. Retrieved. URL: <http://www.rollingstone.com/politics/news/the-gop-war-on-voting-2011083> 0.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 июня.

³ Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>.

Исследование опыта зарубежного уголовного законодательства в рассматриваемой сфере правоотношений необходимо с позиций не только совершенствования российского уголовного права, но и более детального анализа проблем реализации действующих национальных уголовно-правовых норм, направленных на защиту демократического института выборов.

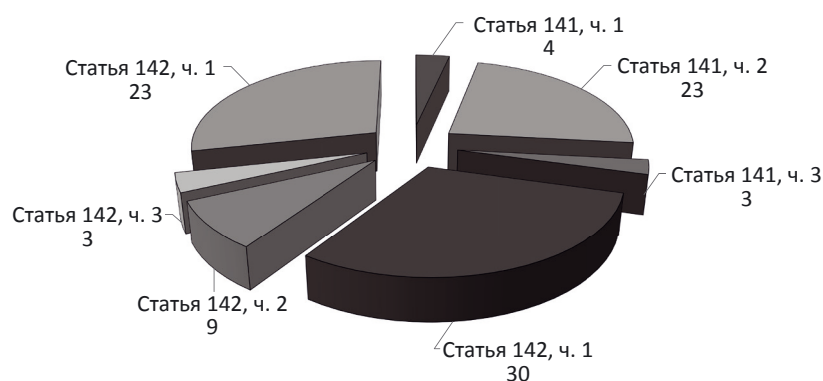
Анализ составов преступлений, закрепленных в ст. 142 и 142.1 УК РФ, с учетом опыта зарубежного уголовного законодательства позволяет выделить ряд проблемных моментов.

Так, сам термин «фальсификация» и способы ее совершения в национальном и зарубежном уголовном праве интерпретируются по-разному.

Проведенное исследование дает возможность выделить три юридических подхода к регламентации уголовной ответственности за фальсификации в избирательном процессе. Первый подход предполагает использование емкой правовой конструкции «*фальсификация результатов выборов*», второй — формулировку санкций за *фальсификацию итогов голосования*, третий — за *фальсификацию соответствующей документации*.

Так, ст. 282 УК Швейцарии и § 107а УК ФРГ предусматривают уголовную ответственность за *фальсификацию результатов выборов*; п. 2 § 266 УК Австрии — за *подлог результатов выборов* или всенародного голосования⁴.

⁴ Здесь и далее проанализированы тексты уголовных кодексов зарубежных стран, размещенные на федеральном правовом портале «Юридическая Россия» (<http://law.edu.ru>) и сайте Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (<http://sartraccc.ru>).

Число лиц, осужденных по ст. 141–142.1 УК РФ с 2009 по 2014 г., %

По швейцарскому уголовному законодательству к фальсификации результатов выборов относится:

- фальсификация, подделка, устранение или уничтожение реестра для голосования;
- незаконное принятие участия в выборах или голосовании, референдуме или другой инициативе;
- фальсификация результатов выборов, голосования или сбора подписей для проведения референдума или другой инициативы, особенно путем добавления, изменения, исключения или вычеркивания бюллетеней для голосования или подписей, путем неправильного подсчета или ложного засвидетельствования результата.

Особо отметим, что к фальсификации результатов выборов в указанной норме относится незаконное принятие участия в выборах или голосовании, к которому в рамках отечественного законодательства можно отнести, в частности, ряд злоупотреблений активным и (или) пассивным избирательным правом.

В ряде зарубежных стран уголовно наказуемые злоупотребления избирательными правами формулируются следующим образом:

- использование избирательного права лицом, не обладающим им (ст. 168 УК Болгарии);
- участие в официально назначенных выборах лица, которое умышленно выдает себя за другого (ст. 128 голландского Уголовного кодекса);
- голосование лицом, не обладающим избирательным правом или правом голоса, от имени другого лица без его поручения или не в соответствии с поручением либо иным недопустимым образом (§ 266 УК Австрии);
- обманом путем незаконное присвоение или передача другому лицу права голосовать по общественным вопросам либо содействие этому (§ 107 уголовного законодательства Норвегии);
- совершение обманных действий лицом, участвующим в процедурах проведения выборов или в жеребьевке, в отношении лиц, выдвигаемых на замещение государственных должностей посредством референдума или опосредованного голосования (ст. 397 УК Республики Сан-Марино);
- присвоение иностранцами или постоянно проживающими на территории страны ли-

цами без гражданства политических прав, принадлежащих гражданам Сан-Марино (ст. 399 УК Республики Сан-Марино) и т.д.

Однако данные действия (в отличие от швейцарского и германского уголовного закона) не указываются в качестве способа фальсификации результатов выборов.

В свою очередь, пп. 1 и 2 § 107a УК ФРГ к фальсификации результатов выборов относят:

- участие в выборах тех, кто не имеет на это права, и действия, иным образом приводящие к неправильному результату выборов;
- подделка результатов выборов;
- неправильное оглашение результатов выборов или действия, позволяющие это сделать.

Отдельно в § 107b УК ФРГ предусматривается ответственность за *фальсификацию документов, относящихся к выборам*. К способам таковой фальсификации относятся:

- подача ложных данных лицом с целью внесения его в список избирателей (избирательный бюллетень);
- внесение в список избирателей лица, которое не имеет на это права;
- невнесение в список избирателей данных о лице, имеющем право участвовать в выборах;
- выдвижение в качестве кандидата на выборах лица, не имеющего права быть избранным.

Таким образом, подход германского законодателя представляется наиболее удачным, поскольку предполагает применение более широкого термина — «фальсификация результатов выборов» и конкретизацию способов фальсификации как результатов выборов, так и голосования.

УК РФ применяет термин «фальсификация» лишь в отношении *избирательных документов, документов референдума и итогов голосования* (ст. 142 и 142.1). Правоведы Л.Г. Алехичева и А.Е. Постников отмечают, что в соответствии с действующим российским федеральным избирательным законодательством отличие итогов голосования от результатов выборов заключается в том, что *итоги голосования* подводятся в масштабах территории, являющейся частью соответствующего избирательного округа (как правило, это избирательный участок), и выступают промежуточным результатом на пути определения ре-

ультатов выборов [10]. *Результаты выборов* определяются на основе суммирования итогов голосования, полученных на территории всего избирательного округа.

Как видим, дополнительный признак объекта ст. 142.1 УК РФ скорее уточняет признак объекта ст. 142 УК РФ: речь идет о посягательстве на общественные отношения, связанные с оформлением не всей избирательной документации, оформляемой на любой стадии избирательного процесса, а избирательных документов, значимых для определения итогов голосования и результатов выборов.

Уголовное право России не раскрывает содержание термина «фальсификация избирательных документов, документов референдума и итогов голосования». В отечественной уголовно-правовой доктрине существуют разные подходы к определению фальсификации посредством указания на способы ее совершения. В частности, правовед Б.Д. Завидов считает фальсификацию емким понятием, которое «включает подделку, искажение, подлог избирательного документа или документа референдума» [11].

В зарубежном уголовном законодательстве в описании способов фальсификации итогов голосования и избирательной документации применяются разные термины:

- изменение результатов голосования или свидетельства либо совершение других *обманных действий* (ст. 397 УК Сан-Марино); обман, приводящий к признанию *недействительности голосования* или *назначению иного лица*, чем то, за которое проголосовали, а также иной *обман, приводящий к результатам, отличающимся от результатов законно проведенного голосования* (ст. 127, 129 голландского УК);

- *подлог* избирательных документов или документов голосования (ст. 132 УК Эстонии, ст. 92 УК Латвии); *подлог* документов по отзыву депутата (ст. 192 УК Республики Беларусь);

- *искажение, потеря* итогов голосования, *неучет* какого-либо *голоса* (§ 108 уголовного законодательства Норвегии);

- *подделка, устранение или уничтожение* реестра для голосования; *добавление, изменение, исключение или вычеркивание* бюллетеней для голосования или подписей; *неправильный подсчет* или *ложное засвидетельствование результата* (ст. 282 УК Швей-

царии); *подделка* результатов выборов (ст. 169 УК Республики Болгария);

- внесение *незаконных изменений* в списки; *включение данных* о лицах, не подлежащих внесению; *использование обмана* с целью неправильного составления списков; *повреждение, сокрытие, переделка или подделка* протоколов или иных избирательных документов; *допущение злоупотребления* при голосовании или подсчете голосов, при составлении списков с подписями (ст. 248 УК Польши);

- *похищение избирательного ящика* (ст. 150 УК Республики Армения);

- *воспрепятствование внесению лица в список избирателей, понуждение в выдвижении в качестве кандидата* на выборах лица, не имеющего права быть избранным (подп. 3, 4 п. 1 § 107b УК ФРГ).

Как видим, фальсификация итогов голосования не всегда напрямую связана с фальсификацией соответствующей документации (например, похищение избирательного ящика; уничтожение реестра для голосования; понуждение в выдвижении в качестве кандидата; обман, приводящий к результатам, отличающимся от результатов законно проведенного голосования и т.п.), и первый термин шире второго.

Безусловно, данные различия в терминах в последующем должны быть учтены российским законодателем при совершенствовании уголовного права России. Как нам представляется, в диспозициях уголовно-правовых норм должны найти отражение иные (помимо фальсификации избирательных документов) способы фальсификации итогов голосования и выборов в целом. Отдельный состав преступления должен быть сформулирован в отношении фальсификации избирательных документов; объективная сторона другого состава преступления должна включать иные обманные способы фальсификации результатов выборов. При этом следует учитывать, что фальсификация итогов голосования хотя бы на одном участке приведет фактически к фальсификации результатов выборов в целом по избирательному округу, поэтому вполне можно использовать более емкий термин — «фальсификация результатов выборов».

Как верно отмечает И.А. Бутяйкин, зарубежными законодателями используются разные концептуальные подходы к определению поня-

тия фальсификации избирательных документов и итогов голосования, по-разному оценивается влияние одних и тех же признаков на дифференциацию уголовной ответственности [12].

В рамках же действующего национального уголовного законодательства России, терминологического аппарата УК РФ, с учетом разных подходов в отечественной уголовно-правовой доктрине к понятию «фальсификация», а также проведенного исследования зарубежного уголовного права под *фальсификацией избирательных документов* следует понимать умышленное деяние, совершаемое с целью искажения результатов голосования на выборах и нарушающее подлинное содержание избирательных документов путем:

- невнесения в избирательные документы сведений, подлежащих включению;
- внесения в избирательные документы заведомо искаженных сведений;
- сокрытия либо уничтожения избирательных документов, влекущих изменение подлинных результатов голосования;
- внесения в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание;
- изготовления поддельных избирательных документов.

Открытым остается вопрос, что следует понимать под избирательными документами или документами референдума (далее — избирательными документами).

Непосредственным предметом преступлений, предусмотренных ст. 142 и 142.1 УК РФ, выступают избирательные документы (или документы референдума). Бланкетная диспозиция отсылает нас к избирательному законодательству, в котором не дается ни определения термина «избирательные документы», ни их исчерпывающего перечня. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 4 июня 2014 г.)¹ позволяет отнести к избирательным документам списки избирателей, бюллетени, открепительные удостоверения, протоколы об

итогах голосования (подп. «и» п. 9 ст. 21 и п. 1 ст. 30) и обозначает данный перечень как открытый.

Как следует из анализа постановления «О порядке установления итогов голосования и определения результатов выборов, референдума на основании протоколов об итогах голосования, составленных в электронном виде с использованием автоматизированных рабочих мест участковых избирательных комиссий» от 22 января 2014 г. № 213/1399-6², к избирательным документам можно отнести, в частности, особые мнения членов участковой комиссии с правом решающего голоса; поступившие в участковую комиссию жалобы (заявления) и принятые по ним решения; сведения об открепительных удостоверениях; опечатанные избирательные бюллетени; списки членов участковой комиссии с правом совещательного голоса, иных лиц, присутствовавших при установлении итогов голосования и составлении протокола; составленные участковой комиссией акты и реестры; список избирателей; увеличенная форма протокола участковой комиссии.

Как видим, российское избирательное законодательство использует более широкое толкование термина «избирательный документ» в сравнении с уголовным законодательством. Кроме того, в качестве одного из признаков открепительного удостоверения и бюллетеня как избирательных документов называется отнесение их к документам строгой отчетности.

Наиболее удачным нам представляется определение такого ученого, как И.С. Щербина: избирательный документ (документ референдума) — изготовленный (принятый) в установленном законом порядке уполномоченными на то субъектами избирательных правоотношений юридический документ письменной или электронной формы, удостоверяющий или подтверждающий полномочие субъектов избирательных отношений реализовать свои избирательные права, права на участие в референдуме, а также документ, отражающий

¹ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 4 июня 2014 г.) // Российская газета. 2002. 15 июня.

² О порядке установления итогов голосования и определения результатов выборов, референдума на основании протоколов об итогах голосования, составленных в электронном виде с использованием автоматизированных рабочих мест участковых избирательных комиссий: постановление от 22 янв. 2014 г. № 213/1399-6 // Вестник ЦИК России. 2014. № 2.

процесс и итоги голосования, определения результатов выборов, референдума [13].

В отечественной уголовно-правовой доктрине существует и более узкое понимание термина «избирательные документы». Так, правовед И.А. Бутяйкин приводит следующее: это надлежаще оформленные сведения, содержащие основания для закрепления юридического факта регистрации избирателя, кандидата (списка кандидатов), члена избирательной комиссии, а также итогов голосования, определения результатов выборов [12]. Однако если применять узкое толкование, то в примечании к соответствующей статье необходимо дать четкое определение или исчерпывающий перечень избирательных документов, за фальсификацию которых наступает уголовная ответственность.

Для сравнения: в качестве предмета преступлений, связанных с фальсификацией результатов голосования в зарубежных странах, называются списки избирателей или голосующих (§ 107b УК ФРГ, ст. 248 УК Польши); списки кандидатов; протоколы; списки с подписями граждан, заявивших кандидатов (ст. 248 УК Польши); реестры для голосования (ст. 282 УК Швейцарии); избирательный бюллетень (§ 107b УК ФРГ, ст. 282 УК Швейцарии); заявление о выдвижении кандидатуры или кандидатур (ст. 394 УК Республики Сан-Марино); доверенность (ст. 126 голландского УК); иные избирательные документы (ст. 248 УК Польши).

В уголовных кодексах КНР (ст. 256), Азербайджанской Республики (ст. 161), Республики Беларусь (ст. 192), Грузии (ст. 164), Республики Казахстан (ст. 147), Кыргызской Республики (ст. 141), Молдовы (ст. 181), Таджикистана (ст. 151), Туркменистана (ст. 150), Эстонии (ст. 132), Латвии (ст. 92), так же как и в УК РФ, применяется общий термин «избирательные документы» (или документы по выборам).

Примечательно, что в УК ФРГ есть указание о применении закрепленных уголовно-правовых санкций к процедурам выборов и голосования не только непосредственно в национальные представительные, но и иные органы: в органы социального страхования (ч. 2 § 107b УК ФРГ), в Европейский парламент (§ 108e, 108d УК ФРГ), а в § 261 австрийского уголовного закона указывается, что «к выборам или всенародному голосованию приравниваются выдвижение

кандидатов на выборы или процесс по реализации народной инициативы». Следовательно, в указанных случаях используется более широкое толкование избирательной документации.

В качестве возможного критерия отнесения к избирательным документам в смысле ст. 142 УК РФ (упомянутого в уголовно-правовой научной литературе) можно назвать искажение результатов голосования на выборах и референдумах в результате фальсификации таких документов. В целом же вопрос о законодательных критериях отнесения документов к избирательным остается открытым.

Такая неопределенность в терминологии приводит к тому, что правовые нормы ст. 142 и 142.1 УК РФ во многих случаях пересекаются, а ряд действий, отнесенных законодателем к фальсификации итогов голосования, одновременно подпадает под признаки фальсификации избирательных документов. Так, исследователь О.В. Зайцева указывает: заведомо неправильное составление списков избирателей, выражающееся во включении в них лиц, не обладающих активным избирательным правом, или вымышленных лиц; фальсификация подписей избирателей; заведомо неверное (не соответствующее действительным итогам голосования) составление протокола об итогах голосования являются частными случаями фальсификации избирательных документов, поскольку списки избирателей, избирательные бюллетени, решения (протоколы) избирательных комиссий относятся к числу избирательных документов [14].

Вместе с тем ст. 142 и 142.1 УК РФ не соотносятся как общая и специальная. Как отмечает научный сотрудник НИИ Генеральной прокуратуры РФ Р.Р. Сеченова, максимальный размер наказания по данным статьям — до четырех лет лишения свободы, а в теории уголовного права специальный состав конкретизирует общую норму и предусматривает увеличение либо уменьшение типовой санкции [15]. Однако исследователь Д.В. Качурин справедливо указывает на случаи применения правил о конкуренции общей и специальной нормы, когда ими установлено одинаковое наказание [16]. В нашем случае деяния наказываются «штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одно-

го года до двух лет либо лишением свободы на срок до четырех лет» (ст. 142.1 УК РФ).

Правила конкуренции части и целого, а также анализ объекта и объективной стороны преступлений, указанных в ст. 142 и 142.1 УК РФ, позволяют нам говорить о норме ст. 142.1 УК РФ как о норме-целом. Это дает возможность не ограничивать описание субъекта преступления, относя к нему не только членов избирательных комиссий, но и других лиц исходя из конкретной жизненной ситуации.

В связи с казуистичностью нормы ст. 142.1 УК РФ при решении вопроса о возбуждении по ней уголовного дела следует установить наличие признаков, перечисленных в диспозиции. В случае отсутствия таких признаков требуется проверить наличие признаков фальсификации избирательных документов, закрепленных в ст. 142 УК РФ.

Необходимо снять действующую в российском уголовном праве коллизию (см. более подробно: [17]), о которой косвенно свидетельствуют и данные уголовной статистики: после введения в УК РФ ст. 142.1 число зарегистрированных по ст. 142 преступлений резко сократилось. Несомненно, указанные проблемы и противоречия в дальнейшем должны быть устранены.

Представляется, что самым оптимальным для российской правовой системы является опыт германского законодателя. В отечественном уголовном законодательстве следует дифференцировать составы преступлений «фальсификация результатов выборов» и «фальсификация избирательных документов и документов референдума». При этом в примечании к статье нужно дать определение избирательного документа и фальсификации.

Российская правоприменительная практика ставит еще один вопрос: *решают ли виды наказаний, предусмотренных санкциями ст. 141–142.1 УК РФ, задачи охраны от преступных посягательств, предупреждения преступлений, влияния назначенного наказания на исправление?*

Как указывает И.В. Ильин, по мнению многих исследователей, меры наказания, назначенные судами, не обеспечивают «наступательную борьбу» с преступлениями, дискредитирующими органы государственной власти, органы местного самоуправления, избиратель-

ные комиссии, в целом избирательную систему РФ, а также, что не менее важно, не способствуют осознанию неотвратимости наказания [18]. На наш взгляд, существует ряд право-творческих и правоисполнительных проблем, от решения которых зависит эффективность реализации задач уголовного преследования. В рамках данной статьи отметим наиболее актуальный аспект.

Во-первых, при определении наказания за фальсификацию результатов голосования следует исходить из того, что более суровые санкции, как показывают исследования, не влекут с необходимостью снижение рецидива [19]. Кроме того, усиление санкций не должно быть продиктовано политической конъюнктурой или популистскими целями, что может привести к снижению эффективности уголовной политики [20].

Во-вторых, используя возможности сравнительной криминологии при заимствовании успешных подходов к решению поставленных проблем, необходимо учитывать этнокультурные особенности [21]. Так, исследователи указывают, что, к примеру, китайский уголовный режим был очень внимательным и отзывчивым к общественным настроениям, начиная с его зарождения. И в современном китайском обществе смертная казнь служит популистским механизмом укрепления устойчивости авторитарного государства, направленным на снижение общественного беспокойства и недовольства по отношению к социальным проблемам [22]. В США, в частности, формируется следующая особенность: расширение уголовной юрисдикции, в том числе путем расширения гражданских и административных процедур, направленных на лишение свободы [23]. Этнокультурной особенностью постсоветского пространства является то, что находящиеся на нем государства фактически унаследовали правовую систему СССР, в частности систему уголовного правосудия, и т.д.

В-третьих, в решении указанной проблемы не задействован в полной мере потенциал такого вида наказания, как лишение права (в данном случае активного и пассивного избирательного права), как это делается в ряде зарубежных стран.

Можно выделить разные подходы к закреплению в качестве уголовного наказания лишения избирательных прав.

Согласно первому подходу данный вид наказания закрепляется в самом общем виде, при этом не конкретизируются случаи его применения, лишь указывается на избирательное право в качестве одного из видов прав, подлежащих лишению.

Так, во Франции запрещение пользоваться политическими, гражданскими и семейными правами распространяется на право избирать и быть избранным (ст. 131-26 УК Франции).

В соответствии со ст. 19 УК Аргентины абсолютное поражение в правах означает, в частности, лишение избирательных прав.

Согласно § 2 гл. II «О преступлениях и проступках против внешней безопасности государства» УК Бельгии подлежит применению лишение прав, содержащееся в избирательном законодательстве, в том числе в ст. 6 и 7 Избирательного кодекса.

Уголовное законодательство Испании к наказаниям в виде лишения прав относит лишение права голосовать или какого-либо другого права (ст. 40).

В п. 1 § 45 УК ФРГ зафиксировано: если кто-либо вследствие совершения преступления подвергается наказанию в виде лишения свободы на срок не менее года, то он лишается правовой способности в течение пяти лет занимать публичные должности и обретать права, вытекающие из публичных выборов.

При этом в ряде случаев указывается, что лишение избирательных прав возможно, если это особо предусмотрено в санкции нормы. Например, согласно п. 5 § 45 УК ФРГ суд может лишить осужденного на срок от двух до пяти лет права публично избирать или голосовать, если закон предусматривает это особо.

Второй подход предполагает оговорку, в каких случаях допустимо применение наказания в виде лишения прав, в том числе избирательных (при этом данное наказание фактически дополняет основное).

Скажем, УК Республики Корея устанавливает, что лишение активного и пассивного избирательного права на основании общественного права (как одной из составляющих при лишении квалификации) применяется к лицам, приговоренным к смертной казни, пожизненным каторжным работам или пожизненному лишению свободы (ст. 43).

Голландский Уголовный кодекс закрепляет, что лишение права избирать членов общих представительных органов или выставлять свою кандидатуру на выборах в эти органы может быть назначено только в случае приговора к сроку тюремного заключения не менее одного года (ст. 28).

В Польше суд может постановить о лишении публичных прав (включающих утрату активного и пассивного избирательного права в органы публичной власти, в органы профессионального или хозяйственного самоуправления) в случае назначения наказания в виде лишения свободы на срок не менее трех лет за преступление, совершенное по мотивам, заслуживающим особого осуждения.

Наконец, *третий подход* имеет место в уголовном законодательстве Республики Сан-Марино. Лишение прав включает лишение избирательных прав, лишение политических прав, запрет на профессию. При этом лишение избирательных прав лишает осужденного:

- права занимать любую государственную должность либо нести службу или части прав, принадлежащих должностному лицу и связанных с исполнением обязанностей по государственной службе;
- званий, наград и почестей;
- стипендий и личных доплат, выделяемых за счет республики или всякого другого государственного учреждения, за исключением неотъемлемых прав осужденного, касающихся выплаты выходного пособия и пенсии;
- права быть назначенным на должность, достойно исполнять ее, а также пользоваться присущими ей благами.

Лишение *политических прав* лишает осужденного активного избирательного права и права быть избранным, а также способности приобрести это право (ст. 82 УК Республики Сан-Марино).

Отдельно отметим, что в ряде стран лишение прав как вид наказания может применяться за неучастие избирателя в обязательном голосовании. Как указано на официальном сайте межправительственной организации «Международный институт демократии и содействия выборам» (International IDEA), большинство демократических государств рассмотрели возможность включения в свое законодательство голосования на выборах как обязанности из-

бирателя (в частности, Австрия (Тироль, Форарльберг, Штирия), Бельгия, Бразилия, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Сингапур, Турция, Швейцария (Шаффхаузен), а ряд стран пошли еще дальше в этом вопросе, предусмотрев санкции в отношении избирателей, не исполняющих свой гражданский долг¹. Так, в Бельгии гражданин, не принимавший в течение 15 лет участие в голосовании как минимум в четырех выборах, будет лишен гражданских прав. В Перу избиратель должен получить карточку со штампом, служащую доказательством того, что он проголосовал. Такая карточка является основанием для получения в государственных учреждениях ряда услуг и товаров. В Боливии избиратель не сможет получать зарплату в банке, если в течение трех месяцев после выборов не представит подобное доказательство. В Мексике или Италии не закреплено никаких формальных санкций, но возможны произвольные или социальные санкции. Так, в Италии может быть затруднено получение дневного места для ребенка в дошкольном учреждении.

Как видим, уголовное и избирательное законодательство упомянутых стран более подробно регламентирует институт лишения прав применительно к избирательным правоотношениям, и положительным опытом следует воспользоваться при корректировке санкций ст. 142 и 142.1 УК РФ.

На наш взгляд, следует учесть и разработанные Венецианской комиссией (Европейской комиссией за демократию посредством закона) руководящие принципы Кодекса добросовестной практики в сфере избирательного права (разработан на 51-м пленарном заседании 5–6 июля 2002 г.) в отношении случаев возможности лишения лица права избирать или быть избранным². В частности, возможно принятие нормы о лишении лиц права избирать и быть избранными, но только при соблюдении следующих совокупных условий: эта норма должна быть предусмотрена законом; должен

быть соблюден принцип пропорциональности; условия лишения лица его права выдвигать свою кандидатуру на выборах могут быть менее строгими, чем условия лишения этого лица избирательного права; лишение прав должно быть основано на психической дееспособности лица или осуждении лица за совершение тяжкого преступления.

При определении оптимального размера санкции в виде лишения избирательного права нам представляется важным изучение подхода французского, испанского и бельгийского законодателя: суд может назначить срок лишения права (в том числе избирательного), превышающий период выборов и межвыборный период, исключив участие преступника в последующих выборах.

Так, § 2 гл. II «О преступлениях и проступках против внешней безопасности государства» УК Бельгии предусматривает возможность лишения прав на срок от 10 до 20 лет или от 5 до 10 лет в зависимости от назначения основного наказания (сроков тюремного заключения, лишения свободы или исправительного наказания).

В соответствии с УК Испании наказание в виде специального поражения в правах длится от 6 месяцев до 20 лет (ст. 40). При этом лишение пассивного избирательного права запрещает осужденному на срок действия приговора избираться на государственные должности (ст. 44).

Французский законодатель пошел дальше: запрещение пользоваться правом избирать или быть избранным влечет за собой запрещение занимать публичную должность (ст. 131-26). Запрещение пользоваться политическими, гражданскими и семейными правами не может превышать десяти лет в случае осуждения за преступление и пяти лет в случае осуждения за проступок.

Российское уголовное законодательство в рассматриваемом ракурсе наиболее приближено к законодательствам ФРГ (п. 5 § 45) и Республики Сан-Марино, в которых лишение права как максимальная санкция за преступление возможно в пределах от двух до пяти лет, с тем отличием, что в УК Республики Сан-Марино предусмотрены так называемые степени лишения права (ст. 82).

Однако в санкции лишь ч. 2 ст. 142 УК РФ содержится указание на применение наказа-

¹ См.: Voter Turnout Since 1945 A Global Report / International Institute for Democracy and Electoral Assistance (International IDEA), 2002. URL: http://www.idea.int/vt/compulsory_voting.cfm.

² См. п. «d» ч. 1.1 параграфа I руководящих принципов относительно выборов, принятых Венецианской комиссией на 51-й пленарной сессии 5–6 июля 2002 года. URL: [http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdfid=CDL-AD\(2002\)023rev-rus](http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdfid=CDL-AD(2002)023rev-rus).

ния в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет. Но даже если и включить такое наказание в иные санкции рассматриваемых статей, на наш взгляд, цели наказания не могут быть достигнуты. Необходимо в целом пересмотреть подход к такому наказанию, как лишение права.

Отметим, что обозначенные выше проблемы правового регулирования далеко не единственные. Так, ученый Л.Г. Мачковский при исследовании уголовной ответственности за воспрепятствование осуществлению избирательных прав ставит перед собой задачу

установить, как оценивают зарубежные законодатели уровень общественной опасности преступления сквозь призму санкций [24]. Безусловно, данный вопрос актуален и применительно к фальсификации результатов выборов, однако его изложение, как нам представляется, требует отдельного исследования.

Таким образом, опыт уголовного законодательства зарубежных стран полезен при решении проблем российской науки уголовного права и правоприменительной практики и должен быть учтен при дальнейшем совершенствовании норм Уголовного кодекса Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alvarez R.M. Election fraud: detecting and deterring electoral manipulation / R.M. Alvarez, T.E. Hall, S. Hyde. — Washington, DC : Brookings Institute, 2008. — 255 p.
2. Benson J.F. Voter fraud or voter defrauded? Highlighting an inconsistent consideration of election fraud / J.F. Benson // Harvard Civil Rights-Civil Liberties Law Review. — 2009. — № 44 (1). — P. 1–42.
3. Williamson C. American suffrage: from property to democracy, 1760–1860 [Electronic resource] / C. Williamson. — Princeton Univ. Press, 1960. — Mode of access : <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=acls;cc=acls;view=toc;idno=heb02334.0001.001>.
4. Saltman R.G. The History and Politics of Voting Technology: In Quest of Integrity and Public Confidence [Electronic resource] / R.G. Saltman. — Political & International Studies Collection, 2006. — 256 p. — DOI: [10.1057/9781403977212](https://doi.org/10.1057/9781403977212). — Mode of access : <http://www.palgraveconnect.com/pc/doi/10.1057/9781403977212>.
5. Uggen C. Democratic Contraction? Political Consequences of Felon Disenfranchisement in the United States [Electronic resource] / C. Uggen, J. Manza // American Sociological Review. — 2002. — Vol. 67 (Dec.). — P. 777–803. — DOI: [10/2307/3088970](https://doi.org/10.2307/3088970). — Mode of access : http://www.soc.umn.edu/~uggen/Uggen_Manza_ASR_02.pdf.
6. Raymond A. How to Rig an Election [Electronic resource] / A. Raymond // Simon & Schuster, 2008. — P. 17. — Mode of access : <http://books.google.co.uk/books?id=Rf7sDfBI5okC>.
7. Dekel E. Vote Buying: General Elections. Journal of Political Economy / E. Dekel, M.O. Jackson, A. Wolinsky // University of Chicago Press. — 2008. — Vol. 116 (2). — P. 351–380, 04. — DOI: [10.1086/587624](https://doi.org/10.1086/587624).
8. Vicente P.C. Vote Buying Effective? Evidence from a Randomized Experiment in West Africa [Electronic resource] / P.C. Vicente // The Economic Journal. — 2014. — Vol. 124, iss. 574 (Febr.). — P. 356–387. — DOI: [10.1111/econj.12086](https://doi.org/10.1111/econj.12086). — Mode of access : <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/econj.12086/abstract;jsessionid=E99B38B5FD885271AFEEA0DCDCC67456.f04t01>.
9. Красинский В.В. Преступления в сфере выборов по уголовному законодательству Германии, Австрии и Швейцарии / В.В. Красинский // Государство и право. — 2013. — № 7. — С. 87–92.
10. Алехичева Л.Г. Признание недействительными итогов голосования и результатов выборов: правовые проблемы / Л.Г. Алехичева, А.Е. Постников // Журнал российского права. — 2001. — № 6. — С. 25–36.
11. Завидов Б.Д. Уголовно-правовой анализ преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина / Б.Д. Завидов // Право и власть. — 2004. — № 2. — С. 26.
12. Бутяйкин И.А. Уголовная ответственность за фальсификацию избирательных документов, документов референдума и итогов голосования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.А. Бутяйкин. — М., 2011. — 22 с.
13. Щербина И.С. Уголовная ответственность за нарушения избирательных прав граждан и права на участие в референдуме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.С. Щербина. — Екатеринбург, 2012. — 25 с.
14. Зайцева О.В. Уголовно-правовая охрана избирательных прав гражданина и ее оптимизация / О.В. Зайцева // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2009. — № 6. — С. 125–128.
15. Сеченова Р.Р. Состояние конституционной законности в сфере избирательных прав граждан / Р.Р. Сеченова // Современное право. — 2005. — № 7. — С. 25–29.
16. Качурин Д.В. О конкуренции уголовно-правовых норм / Д.В. Качурин // Российский судья. — 2002. — № 11. — С. 27–29.
17. Климова Ю. Уголовная ответственность за фальсификацию избирательных документов, документов референдума и конкуренция ст. ст. 142 и 142.1 УК РФ / Ю. Климова // Уголовное право. — 2010. — № 3. — С. 45–50.
18. Ильин И.В. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на достоверность волеизъявления граждан Российской Федерации как избирателей: содержание и пути совершенствования / И.В. Ильин // Сборник конкурсных работ в области избирательного права, избирательного процесса и законодательства о референдуме, выполненных студентами и аспирантами высших юридических учебных заведений Российской Федерации в 2003/2004 году. — М. : Рос. центр обучения избират. технологиям при Центр. избират. комис. России, 2004. — С. 217–236.

19. Cochran J.C. Assessing the Effectiveness of Correctional Sanctions / J.C. Cochran, D.P. Mears, W.D. Bales // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2014. — Vol. 30, iss. 2. — P. 317–347. — DOI: [10.1007/s10940-013-9205-2](https://doi.org/10.1007/s10940-013-9205-2).
20. Miller L.L. Power to the people: Violent victimization, inequality and democratic politics / L.L. Miller // *Theoretical Criminology*. — 2013. — Vol. 17, iss. 3. — P. 283–313. — DOI: [10.1177/1362480612471151](https://doi.org/10.1177/1362480612471151).
21. Aebi M.F. The epistemological obstacles in comparative criminology: A special issue introduction / M.F. Aebi, A. Linde // *European Journal of Criminology*. — 2015. — № 12. — P. 381–385. — DOI: [10.1177/147737081559531](https://doi.org/10.1177/147737081559531).
22. Michelle M. Capital punishment in China: A populist instrument of social governance / M. Michelle // *Theoretical Criminology*. — 2013. — Vol. 17, № 2. — P. 233–250. — DOI: [10.1177/1362480613476788](https://doi.org/10.1177/1362480613476788).
23. Murakawa N. Mapping the shadow carceral state: Toward an institutionally capacious approach to punishment / N. Murakawa // *Theoretical Criminology*. — 2012. — Vol. 22 (Apr.). — DOI: [10.1177/1362480612442113](https://doi.org/10.1177/1362480612442113).
24. Мачковский Л.Г. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав в России и за рубежом / Л.Г. Мачковский // *Юридический мир*. — 2002. — № 3. — С. 43–48.

REFERENCES

1. Alvarez R.M., Hall T.E., Hyde S. *Election fraud: detecting and deterring electoral manipulation*. Washington, DC, Brookings Institute. 2008. 255 p.
2. Benson J.F. Voter fraud or voter defrauded? Highlighting an inconsistent consideration of election fraud. *Harvard Civil Rights-Civil Liberties Law Review*, 2009, no. 44 (1), pp. 1–42.
3. Williamson C. *American suffrage: from property to democracy, 1760–1860*. Princeton University Press. 1960. Available at: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=acls;cc=acls;view=toc;idno=heb02334.0001.001>.
4. Saltman R.G. *The History and Politics of Voting Technology: In Quest of Integrity and Public Confidence*. Political & International Studies Collection 2006: 256 p. DOI 10.1057/9781403977212. Available at: <http://www.palgraveconnect.com/pc/doi/ind-er/10.1057/9781403977212>.
5. Uggen C., Manza J. Democratic Contraction? Political Consequences of Felon Disenfranchisement in the United States. *American Sociological Review*, 2002, vol. 67 (December), pp. 777–803. DOI: 10.2307/3088970. Available at: http://www.soc.umn.edu/~uggen/Uggen_Manza_ASR_02.pdf.
6. Raymond A. How to Rig an Election. *Simon & Schuster*, 2008, p. 17. Available at: <http://books.google.co.uk/books?id=Rf7sDfBI5okC>.
7. Dekel E., Jackson M.O., Wolinsky A. Vote Buying: General Elections. *Journal of Political Economy*, University of Chicago Press, 2008, vol. 116 (2), pp. 351–380, 04. DOI: 10.1086/587624.
8. Vicente P.C. Vote Buying Effective? Evidence from a Randomized Experiment in West Africa. *The Economic Journal*, 2014, vol. 124, iss. 574, pp. 356–387. DOI: 10.1111/econj.12086. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/econj.12086/abstract;jsessionid=E99B38B5FD885271AFEEA0DCDC67456.f04t01>.
9. Krasinskii V.V. Rigging elections in the criminal legislation of Germany, Austria and Switzerland. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2013, no. 7, pp. 87–92. (In Russian).
10. Alekhicheva L.G., Postnikov A.E. Canceling voting and election results: legal issues. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2001, no. 6, pp. 25–36. (In Russian).
11. Zavidov B.D. Criminal law analysis of crimes against constitutional rights and freedoms of man and citizen. *Pravo i vlast' = Law and Power*, 2004, no. 2, p. 26. (In Russian).
12. Butyaikin I.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za fal'sifikatsiyu izbiratel'nykh dokumentov, dokumentov referendum i itogov goslovaniya Aftoref. Kand. Diss.* [Criminal liability for the falsification of election documentation, referendum documentation and voting results. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2011. 22 p.
13. Shcherbina I.S. *Ugolovnaya otvetstvennost' za narusheniya izbiratel'nykh prav grazhdan i prava na uchastie v referendume. Aftoref. Kand. Diss.* [Criminal liability for the violation of citizens' electoral rights and the right to participate in a referendum. Cand. Diss. Thesis]. Yekaterinburg, 2012. 25 p.
14. Zaitseva O.V. Criminal law protection of a citizen's electoral rights and its optimization. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava = Bulletin of Saratov State Academy of Law*, 2009, no. 6, pp. 125–128. (In Russian).
15. Sechenova R.R. The condition of constitutional legality in the sphere of citizens' electoral rights. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2005, no. 7, pp. 25–29.
16. Kachurin D.V. On the competition of criminal law norms. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2002, no. 11, pp. 27–29. (In Russian).
17. Klimova Yu. Criminal liability for rigging electoral documentation, referendum documentation and the competition between Art. 142 and 142.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 3, pp. 45–50. (In Russian).
18. Il'in I.V. Criminal liability for the crimes infringing upon the credibility of the will of Russian citizens as voters: content and ways of streamlining. *Sbornik konkursnykh rabot v oblasti izbiratel'nogo prava, izbiratel'nogo protsess i zakonodatel'stva o referendume, vypolnennykh studentami i aspirantami vysshih yuridicheskikh uchebnykh zavedenii Rossiiskoi Federatsii v 2003/2004 godu* [A Collection of Competition Papers in the Field of Election Law, Election Process and Referendum Legislation Presented by Undergraduate and Ph.D. students of Russian Law Universities in 2003/2004]. Moscow, Russian Training Center for Electoral Technologies of Central Elections Committee of Russia Publ., 2004, pp. 217–236. (In Russian).
19. Cochran J.C., Mears D.P., Bales W.D. Assessing the Effectiveness of Correctional Sanctions. *Journal of Quantitative Criminology*, 2014, vol. 30, iss. 2, pp. 317–347. DOI: 10.1007/s10940-013-9205-2.
20. Miller L.L. Power to the people: Violent victimization, inequality and democratic politics. *Theoretical Criminology*, 2013, vol. 17, iss. 3, pp. 283–313. DOI: 10.1177/1362480612471151.

21. Aebi M.F., Linde A. The epistemological obstacles in comparative criminology: A special issue introduction. *European Journal of Criminology*, 2015, no. 12, pp. 381–385. DOI: 10.1177/147737081559531.
22. Michelle M. Capital punishment in China: A populist instrument of social governance. *Theoretical Criminology*, 2013, vol. 17, no. 2, pp. 233–250. DOI: 10.1177/1362480613476788.
23. Murakawa N. Mapping the shadow carceral state: Toward an institutionally capacious approach to punishment. *Theoretical Criminology*, 2012, April 22. DOI: 10.1177/1362480612442113.
24. Romanovskii G.B. Comparative and legal analysis of electoral status of the convicted in national and international law. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 4, pp. 146–154. (In Russian).
25. Machkovskii L.G. Criminal liability for obstructing the exercise of electoral rights in Russia and abroad. *Yuridicheskiy mir = The Legal World*, 2002, no. 3, pp. 43–48. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климова Юлия Николаевна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, помощник директора по учебно-методической работе Юридического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, кандидат юридических наук, доцент, г. Владимир, Российская Федерация; e-mail: klimova_julia@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Климова Ю.Н. Диспозиции и санкции российских и зарубежных уголовно-правовых норм об ответственности за фальсификацию результатов выборов / Ю.Н. Климова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 3. — С. 547–559. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).547-559.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klimova, Yulia N. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law Disciplines, Head Assistant for Teaching Methodology, Law Institute of A. and N. Stoletov Vladimir State University, Ph.D. in Law, Vladimir, the Russian Federation; e-mail: klimova_julia@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Klimova Yu.N. The dispositions and sanctions of Russian and foreign criminal laws on liability for falsifying election results. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 547–559. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).547-559. (In Russian).